

Андрей Шишкин (Рим — С.-Петербург)

«ЛЕГЕНДА О ВЕЛИКОМ ИНКВИЗИТОРЕ»  
В ИСТОЛКОВАНИИ ВЯЧ. ИВАНОВА  
(1938)

Уже при жизни автора «Легенда о Великом инквизиторе», оторвавшись от романа «Братья Карамазовы», стала существовать собственной, независимой жизнью; различные поколения ее читателей усматривали в этой притче нечто сугубо «свое», зачастую не признавая или игнорируя чужие истолкования. Не будет преувеличением сказать, что на протяжении XX в. поэма стала своеобразным оселком философской и филологической мысли, теперь уже не только русской, но и общеевропейской. О поэме пишут З. Фрейд, Д. Х. Лоуренс, А. Камю, А. Жид, Ж. Катто, Р. Гуардини, Л. Мюллер, П. Ч. Бори, Хр. Яннарис, кардинал А. де Любак, архиепископ кентерберийский Р. Уильямс; ее «переписывает» М. де Унамуно; в Париже и Неаполе созываются посвященные ее толкованию «круглые столы»<sup>1</sup>; редкая монография о писателе обходится без главы, посвященной поэме. Понимание «Легенды» нередко менялось, впервые прочтенная в юности, она читалась и пересматривалась в течение жизни, — это случай Н. Бердяева, Л. Шестова и Вяч. Иванова. Не раз высказывалось суждение, что, несмотря на посвященные поэме истолкова-

<sup>1</sup> Парижские выступления С. Авершцева, В. Бибихипа, О. Седаковой и Х. Яшариса 1993 г. впервые опубликованы в журнале «Искусство кино» (1994. № 4). В 2010 г. в Неаполе на XIV Международном симпозиуме по Достоевскому о «Легенде» говорили патриархи итальянской славистики С. Грачотти и В. Страда. Русскую и зарубежную литературу по «Легенде» см. хотя бы в библиографии к статье: *Щенников Г. К.* Братья Карамазовы // Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб., 2008. С. 41 - 45.

ния, ее проблематика отнюдь не раскрыта: «„Легенда о Великом инквизиторе” должна быть исследована заново», — писал в 1937 г. прот. Г. Флоровский<sup>2</sup>. «Осмелимся утверждать, что подлинный смысл поэмы так и остается до сих пор неразгаданным», — заявил более чем 70 лет спустя современный российский философ<sup>3</sup>. Или даже еще больше: что смысл ее позитивным образом не может быть исчерпан: «Легенда есть и утопия, и антиутопия (как у Замятина или Платонова), она апофатическая по заданию (для читателя) для инверсивного вспять-чтения и вспять-восприятия (т(о)е(сть): „читай наоборот”»<sup>4</sup>.

Одним из наиболее авторитетных голосов для эмигрантского дискурса XX в. о «Легенде» был Н. Бердяев. В главе «Великий Инквизитор. Богочеловек и человекобог» из книги «Миросозерцание Достоевского» (1923) Бердяев в свойственном ему боевом, пророческом стиле утверждал: «„Легенда о Великом Инквизиторе” — вершина творчества Достоевского, увенчание его идейной диалектики. В ней нужно искать положительное религиозное миросозерцание Достоевского. В ней сходятся все нити и разрешается основная тема, тема о свободе человеческого духа. Она трактуется в Легенде прикровенно. Поразительно, что легенда, представляющая небывалую по силе хвалу Христу, влагается в уста атеиста Ивана Карамазова. Легенда — загадка»<sup>5</sup>.

Глава, вошедшая в книгу 1923 г., — это уже второе сочинение Бердяева, посвященное «Легенде». Одноименная глава открывала книгу мыслителя «Новое религиозное сознание и общественность» (1907). В сокращении Бердяев

<sup>2</sup> Флоровский Г. П. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 553.

<sup>3</sup> Евлампиев И. И. Великий Инквизитор, Христос и дьявол: Новое прочтение известной темы Достоевского // Вопросы философии. 2005. № 3. С. 144.

<sup>4</sup> Из письма к автору К. Г. Исупова от 14 июня 2010 г.

<sup>5</sup> Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 195. Мыслитель следует за тезисом В. В. Розанова, высказанным еще в 1891 г.: «...она {«Легенда»} составляет только эпизод... по связь ее с фабулой этого романа так слаба, что ее можно рассматривать как отдельное произведение. {...} „Легенда” составляет как бы душу всего произведения, которое только группируется около ее» (Розанов В. В. «Легенда о Великом инквизиторе». М., 1996. С. 13).

читал ее осенью 1906-го или зимой 1907 г. на Башне Вяч. Иванова<sup>6</sup>. К сожалению, неизвестно, какова была реакция на тезисы мыслителя среди участников «башенного» собрания. В эти и последующие годы Вяч. Иванов сам неоднократно использовал образ Инквизитора, нигде не противопоставляя свое истолкование «Легенды» бердяевскому (см., например, в статье «Идея неприятия мира» (1906)<sup>7</sup>; «Два Маяка» (1937; 4, 333); более развернуто — в книге о Достоевском 1932 г. (4, 505), в письме к А. Р. Минцловой от 6 сентября 1909 г. (2, 802); ср. также «Кризис индивидуализма» (1905; 1, 837—838).

Переоценка поэмы Вяч. Ивановым произошла во второй половине 1930-х гг., когда поэт начал работать в Папском Восточном институте и семинарии «Руссикум» в Риме. Зимой или весной 1938 г. Вяч. Иванов должен был читать доклад в «русском собрании», которое собиралось по воскресеньям в «Руссикуме»<sup>8</sup>. Темой доклада он избрал «Легенду». Письменного текста поэт набрасывать не стал, а продиктовал своей дочери Лидии предварительный конспект, который сохранился в простой школьной тетрадке в Римском архиве Иванова<sup>9</sup>. Этот конспект сохранил неис-

---

<sup>6</sup> «Окончательно решил прочесть сегодня (...) главу „Великий инквизитор“. (...) Главу (...) я могу прочесть в один час, сделаю небольшие пропуски... Да и мне приятно читать о „Великом Инквизиторе“, так как это познакомит с сущностью моей веры» (Из писем к В. И. Иванову и Л. Д. Зиновьевой-Аншибал Н. А. и Л. Ю. Бердяевых / Публ. А. Б. Шишкина // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 131—132 (письмо Н. И. Бердяева к В. И. Иванову, ок. 1907 г.). Примечательно, что во введении к книге 1907 г. Бердяев называет легенду «боговдохновенной» (*Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. СПб., 1907. С. L). Надо иметь в виду, что эссе 1907 и 1923 гг., сохраняя тот же комплекс идей, значительно отличаются друг от друга.

<sup>7</sup> *Иванов Вяч.* Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1971—1987. Т. 3. С. 83 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страниц).

<sup>8</sup> Среди других здесь выступали Т. Л. Сухотина-Толстая, Ю. Дапзас, Ф. Де Режи, о. Виктор Новиков, о. А. Евреинов, о. С. Тышкевич; можно предположить, что кто-то из этих лиц был и на докладе Вяч. Иванова. Еще на каком-то собрании Иванов и Мережковский делали доклад о божественной любви, см.: *Simon C.* Pro Russia: The Russicum and the Catholic work for Russia. Roma, 2009 (=Orientalia Christiana Analecta. 283). P. 529, 532.

<sup>9</sup> РАИ, оп. 2, карт. 28, № 5, л. 2—18; оригиналы доступны по электронному адресу: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-2/kar->

правленными оговорки автора и ошибки кописта; есть ряд лакун и просто неясных мест. В 1999 г. было предпринято его предварительное издание<sup>10</sup>, но он не прокомментирован и до сих пор практически не введен в оборот работ о поэме Достоевского.

Есть основание думать, что выступление значительно отличалось от конспекта и было в значительной мере импровизированным. Впоследствии Вяч. Иванов предполагал дать ему письменную форму. В письме к В. В. Рудневу от 14 июля 1938 г. он предлагал для опубликования в журнале «Современные записки» статью «Несколько соображений о „Легенде о Великом инквизиторе”»<sup>11</sup>, однако, несмотря на согласие редактора журнала, статью так и не написал.

Реконструировать доклад — дело крайне непростое, ввиду предварительного и неполного характера конспекта. Здесь попытаемся выделить некоторые тезисы и высказывания поэта, интересные тем, что они значительно отличаются от широко принятых суждений о «Легенде». В первую очередь это касается остро критического отношения Иванова в 1938 г. к апологетизации поэмы у большинства ее истолкователей.

Начинается доклад с обзора истории вопроса: упоминается известный леонтьевский отзыв о «розовом христианстве» и посвященная «Легенде» книга В. Розанова, которая, по словам Вяч. Иванова, «отливает, как и ее автор, всеми цветами, как хамелеон». Вслед за статьей И. И. Лапшина (1929) — она была в библиотеке Вяч. Иванова в Риме<sup>12</sup> — приводятся возможные источники поэмы: *Carmina Vulgata* XIII в. и «евангелие от марки». Затем следует полемика с Бердяевым. Отталкиваясь от наиболее сильных фраз из Бердяева, в том числе от признания мыслителя, что

---

ton-28/p05/op2-k28-p05-f02.jpg вплоть до <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-2/karton-28/p05/op2-k28-p05-f18.jpg>.

<sup>10</sup> Вяч. Иванов: Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 75–80.

<sup>11</sup> «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Т. 1–4 (в печати).

<sup>12</sup> Лапшин И. И. Как сложилась легенда о великом инквизиторе // О Достоевском: Сб. статей / Под ред. А. Л. Бема. Прага, 1929. Опись библиотеки см.: <http://www.v-ivanov.it/materialy/biblioteka-vyach-ivanova>

его первая встреча с Христом в ранней молодости была обращением ко Христу в «Легенде», Иванов продолжает: «В моей юности образ Великого Инквизитора *тоже* (курсив мой. — А. Ш.) произвел на меня огромное впечатление<sup>13</sup>. Я был на стороне Христа. Я был под влиянием идей, волновавших всех тогда. И свободолюбие Христа на меня особенное впечатление произвело»<sup>14</sup>.

Историко-философский дискурс о свободе (понимаемой в том числе и анархически), которая противопоставлена авторитету Церкви и/или Государства, будет развернут в заключительной части ивановского доклада. Теперь же, в его начале, Иванов сразу делится результатом своего пересмотра поэмы. Первое его возражение — против тезиса об особом автономном роде поэмы: «Легенда не есть главное прозрение и произведение Достоевского, если бы ее не было, ничего бы не ubyло для Достоевского. <...> Это есть социалистическая утопия <...>. И Бердяев хвалит эту легенду с точки зрения системы безбожного социализма, а не критики религии». Поэма — вставная повесть, и как такая может быть помещена в одном ряду с повестями об Амуре и Психее у Апулея до повести о капитане Копейкине у Гоголя.

Напор боевого профетического синтаксиса Бердяева, который видит в поэме «небывалую по силе хвалу Христу», не убеждает Вяч. Иванова. Отождествление евангельского Христа и Христа поэмы (как это постулировал еще Розанов), по мысли Иванова, является кардинальной ошибкой<sup>15</sup>. В Христе поэмы немало литературности, живо-

---

<sup>13</sup> См. у Бердяева: «В юности с пропизывающей остротой запала в мою душу тема „Легенды о Великом Инквизиторе“» (*Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского*. С. 3).

<sup>14</sup> Вяч. Иванов: *Архивные материалы и исследования*. С. 75.

<sup>15</sup> В реальном комментарии В. Е. Ветловской к роману «Братья Карамазовы» соответствующие фрагменты поэмы сопоставлены с повествованием четырех евангелистов (см.: *Ветловская В. Е. Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»*. СПб., 2007. С. 504–507 и далее). Ветловская констатирует, в частности: «Картина встречи Христа народом, как она здесь парисована, опирается на евангельские тексты» (с. 504). Однако для оценки смысла поэмы крайне значительным представляются те малозаметные микроскопические отклонения от евангельского повествования, подобные неточному цитированию Иваном Карамазовым 27-го стиха псалма 117 (см.: Там же. С. 500–501). Р. Гуардини как раз призывает сопоста-

писности XIX в., «сентиментализма» и «романтизма». Живописные параллели к «Легенде» — это не Эль Греко, Тициан, Веласкес или Дюрер, а современная Достоевскому картина И. Крамского «Христос в пустыне» (1872), где в Христе больше человекобога, чем богочеловека:

«Художественная сторона ⟨...⟩ обыкновенно нравилась и теперь многим нравится. Я лично удивляюсь этому вкусу. В явлении Христа нет *стиля*. ⟨...⟩ „Улыбка сострадания“ фальшива. Достоевский, думаю я ⟨...⟩ совсем особенно относился к Христу. Любовь Достоевского к Христу слишком подлинна. Быть может, после эшафота. Однако изображение Христа ему не удалось. „Белый открытый гробик“ есть Россия, а не Севилья. Явление Великого инквизитора — взято из „Дон Карлоса“ Шиллера — старец со стражей. Отвод в подземелье. Романтизм. „Горячая севильская ночь“ — мода на Испанию. Цитата из Пушкина. Безвкусно. Поцелуй Христа есть непростительная вещь в художественном смысле. Он никогда не целует. Его целуют»<sup>16</sup>.

---

вить поэму с новозаветными текстами, чтобы прийти в выводу, что Христос поэмы — не Искупитель, не истинный посредник между Отцом небесным и людьми (см.: *Guardini R. Il mondo religioso di Dostojewskij. Brescia, 1951. P. 121*). Об «амбивалентности» и «ущербности» образа Христа в поэме пишет также в своей книге «Братья Карамазовы и поэтика памяти» Д. Э. Томпсон (СПб., 2000. С. 278 и др.). Ср. теперь: *Океанский В. П. Онтологическая поэтика легенды о Великом инквизиторе: Опыт герменевтического прочтения. Иваново; Шуя, 2010. С. 38–45*.

<sup>16</sup> Современный философ достаточно произвольно поясняет: «Безмолвный поцелуй Христа исполнен необычайной силы. В одно мгновение он разрушает адскую уверенность инквизитора в его абсолютном могуществе» (*Фокин П. Е. Поэма «Великий инквизитор» и футурология Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 12. С. 197*). Философ игнорирует авторитетное суждение архиеп. Иоанна (Шаховского): «Некоторые полагают, что в этом финале Великий Инквизитор, тронутый всепрощающей Любовью Спасителя, совершает акт великодушия, открывая двери темницы... Но Инквизитор говорит слова, мучительные для Христа более голгофских гвоздей. Инквизитор говорит Сыну Божьему: „Ступай, ступай, и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!“» (*Иоанн (Шаховской), архиеп. Великий инквизитор Достоевского [1933] // Иоанн (Шаховской), архиеп. К истории русской интеллигенции. Нью-Йорк, [1975]. С. 225–226*).

Чтобы избежать недоразумения, отметим невыправленную опечатку в статье С. С. Аверинцева 1993 г.: вместо «евангельский Хри-

Последний тезис представляется крайне важным. О мифопоэтическом смысле поцелуя земле в «Преступлении и наказании» Вяч. Иванов писал в своей книге о Достоевском 1932 г., увидев в нем «символическую вершину всего действия» (см.: 4, 533). Напротив, целование в уста, которое Христос «Легенды» дает Инквизитору, может вызвать достаточно серьезные вопросы. О двусмысленности этого поцелуя писал архиепископ Иоанн Шаховской в 1932 г.<sup>17</sup> В полифонической структуре Достоевского «молчание Христа и особенно Его поцелуй, данный Инквизитору, точно отражаются в молчании Алеши и в его поцелуе, которым он целует своего одержимого брата»<sup>18</sup>.

Но в сложнейшей архитектонике «Братьев Карамазовых» этим двум поцелуям соответствует еще один, в самом начале романа. Здесь мы находим ёрническое повествование Федора Павловича Карамазова о святом мученике, который нес собственную отрубленную голову и «любезно ее лобызаша»<sup>19</sup>. Федор Карамазов ссылается на Четы-Мис-

тос целует Иуду» следует читать «евангельский Христос целуем Иудой» (см.: *Аверинцев С. С. Точка зрения «адвоката дьявола» // Искусство кино. 1994. № 4. С. 4 (оригинальный текст на фр.; пер. О. Седаковой)*); опечатка не выправлена и в посмертном изд.: *Аверинцев С. С. «Великий инквизитор» с точки зрения advocatus diaboli // Аверинцев С. С. София-Логос. Киев, 2000. С. 321. О смысле предвещающего поцелуй молчания Христа ср. хотя бы в следующих обобщающих работах: Исупов К. Г. 1) Метафизика общения в мире Достоевского // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. № 19. С. 31–36; 2) Молчание // Космос русского самопознания. СПб., 2010. С. 62–63; Фокин П. Е. Жест молчания в поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор» // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. № 19. С. 59–66.*

<sup>17</sup> «Правда этого поцелуя в том, что Господь любит всякую Свою тварь, Он любит и ту, которая его не любит и не хочет любить. (...) Но поцелуй этот есть и мысль Ивана Карамазова, его последняя, искусительная неправда слияния истины и лжи» (*Иоанн (Шаховской), архиеп. К истории русской интеллигенции. С. 226*). Ср. также: *Исупов К. Г. «Русский Христос» // Исупов К. Г. Космос русского самопознания. С. 95–97.*

<sup>18</sup> *Аверинцев С. С. «Великий инквизитор» с точки зрения advocatus diaboli. С. 322.*

<sup>19</sup> У Достоевского мотив искажения апокрифического текста соединяется с нарастающим мотивом агрессивного кощунствования: Федор Карамазов сперва «чмокнул (курсив мой. — А. Ш.) старца в худенькую его руку (...). Справедливо ли, отец великий, что Четы-Миссии повествуют где то о каком-то отце-чудотворце, которого мучили за веру, и когда отрубили ему голову, то он встал, под-

неи; разумеется, ничего подобного в Минеях нет, а есть у Вольтера. Тем самым в «Братьях Карамазовых» задается тема осмеяния/пародирования/искажения сакрального текста: если согласиться с аргументом Вяч. Иванова, то наиболее сильным искажением во всем романе оказывается поцелуй Христа Инквизитору. Вообще говоря, если посмотреть с данной точки зрения на последующую литературную традицию, то прием искажения/пародирования канонического текста, равно как и ослабления божественного начала в природе Христа, проявится в речах князя в «Краткой повести об Антихристе» Вл. Соловьева, в поэме Блока «Двенадцать» (в первую очередь в заключительной строке поэмы: «Исус Христос», в именах апостолов и т. д.<sup>20</sup>), а в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» этот принцип ослабления божественного, равно как и искажения (не пародирования, однако) канонических евангельских книг в «иерусалимских главах», станет главным конструктивным принципом.

Если обратиться к христианскому поведению, то поцелуй традиционно был знаком духовного единения или благословения. Целование дается только равным равному или низшим высшему. В церковном ритуале епископ никого не целует, напротив, его целуют в руку (или, в католической церкви, лобызают кольцо на руке) или в плечо, то есть целуют как образ Христов. На литургии как католической, так и православной церкви практикуется «поцелуй мира», — по правилу св. Бенедикта целование дается только после молитвы, чтобы избежать «дьявольские помрачения»<sup>21</sup>. С точки зрения средневекового христианского символизма трудно представить Христа, кого-то целующего.

пял свою голову и „любезно ее лобызаша” и долго шел, песя ее в руках, и „любезно ее лобызаша”. Справедливо ли это или нет, отцы честные?» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1976. Т. 14. С. 42). Ср. еще образец осмеяния/искажения в его речах: «Блаженно чрево, посившее тебя. И сосцы, тебя питавшии, -- сосцы особенно» (Там же. С. 40; пародируется: Лк. 11: 27). То есть искажение сакрального в поэме Ивана Карамазова не столь далеко уходит от опытов его собственного отца.

<sup>20</sup> См. в этой связи: *Петроградский священник. О Блоке* // Александр Блок: Pro e contra: Антология. СПб., 2004. С. 437–439.

<sup>21</sup> См.: *Gougaud L. Baiser* // *Dictionnaire de Spiritualité, acétique et mystique, doctrine et histoire* / Publ. sous la direction de M. Viller, S. J. Paris, 1937. Т. 1.



Однако нам не нужно сейчас настаивать на невозможности лобызания Инквизитора Христом с богословской или традиционной точки зрения. Возражение Вяч. Иванова ограничивается исключительно художественной стороной поэмы.

После этого тезиса мысль Вяч. Иванова делает неожиданный ход. Критиковать поэму справедливо, однако, только в одном том случае, «если бы это был не Иван, а сам Достоевский, который ее рассказывает». По мысли Вяч. Иванова, «Легенда» — «бестолковая повесть» (потому что ее сочинил бестолковый писатель Иван) и «совершенство» (потому что написал ее Достоевский). Оценим чуть ли не впервые сделанное разделение двух мировоззренческих и эстетических оценок поэмы. Тут уже герой не борется с автором, а они оба предстают мировоззренчески и эстетически равночестными (еще одна точка соприкосновения с Бахтиным и Пумпянским). По словам Вяч. Иванова, Достоевский — великий мастер романной формы и «онтологический реалист» — всюду исходит из проникновения в чужое «я», как в высшем бытии утвержденную реальность (4, 485). В широком смысле понимаемая полифоничность, кажется, естественно соответствует бахтинскому представлению о внутренней свободе и незавершенности героя в романе Достоевского.

Притча об Инквизиторе рассказана голосом Ивана; за неточный художественный и некорректный философский аспект поэмы автор романа не ответствен. «Легенда» «в этом смысле художественно и философски совершенна — как портрет Ивана Карамазова. Клиническая запись, сделанная непонятно точно и глубоко. Именно так *должен* был думать и мечтать Иван». Этими словами завершается конспект.

Можно не соглашаться со всеми положениями Вяч. Иванова, но следует признать, что последнее его умозаключение открывает в архитектонике всего романа глубокую интерпретаторскую перспективу. В веере истолкований «Легенды» наметился некий критический по отношению к идеям поэмы полюс: Р. Гуардини, С. Аверинцев. Среди последних должно найтись место для толкования Вяч. Иванова.

В заключение попытаемся сформулировать несколько вопросов для дальнейшего обсуждения. Поэма о «Великом

инквизиторе» породила несравненно больше откликов, чем, к примеру, достаточно близко стоящие к ней «Три разговора о войне, прогрессе и всемирной истории» Вл. Соловьева. До сих пор возможно писать о загадочности, многозначности и неисчерпанности «Легенды» Достоевского и ее основных символов. Примечательно, что поэму почти не интерпретировали с точки зрения семиотики, стилистики, функциональной поэтики или логического анализа языка.

Почему «последний» смысл поэмы до сих пор ускользает от нас? Что в «Легенде» делает ее столь актуальной для XX в.? Предвидение новых строителей рая на земле, ответят нам, и процитируют самого Достоевского: «...если исказить Христову веру, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня»<sup>22</sup>. Не случайно к поэме обращается в начале одного тоталитарного периода философ В. Франк и на исходе другого тоталитарного периода художник Ю. Селиверстов. Но это, кажется, будет лишь слишком общим и поэтому частичным ответом. Ведь победа тоталитаризма возможна лишь при глубоком кризисе таких институций, как христианское государство и церковь, христианский гуманизм и традиционная культура. Парадоксальный дискурс о «неудаче исторического христианства» привлекает сегодня больше сторонников, чем «конец истории». Многоголосие «Легенды» Достоевского, отраженное в сотне зеркал ее интерпретаций, продолжает быть источником вопросов и недоумений, на которые не всегда легко и удобно найти ответ.

---

<sup>22</sup> Достоевский Ф. М. Вступительное слово (...) 30 декабря 1879 года перед чтением главы «Великий инквизитор» // О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / Сост. Ю. Селиверстов. М., 1991. С. 13.

434. Не вечные спутники Вячеслава Иванова: (Сервантес и Кальдерон) // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 11–16.
435. Европа как крестная дочь: (Вторая родина Достоевского) // *Dostoevskij: Mente filosofica e sguardo di scrittore*. Napoli, 2010. P. 18–19.
436. Россия в 1910 году: Отклики на смерть Толстого в русской прессе // Уход и смерть Льва Толстого: Статьи, очерки, корреспонденции: СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 5–11.
437. Профессия – переводовед // *Художественный перевод и сравнительное изучение культур*. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 3–7.
438. Русская идея Запада: К постановке проблемы // *К истории идей на Западе: Русская идея*. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 5–25.
439. Ред.: *Русская судьба крылатых слов*. СПб.: Наука, 2010. 634 с.
440. Ред.: *К истории идей на Западе: Русская идея*. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 648 с.
441. Ред.: *Художественный перевод и сравнительное изучение культур*. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. 678 с.

## СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редколлегии</i> . . . . .	3
<i>Константин Азадовский.</i> «Толедское предание» (Бальмонт — переводчик Хосе Соррильи) . . . . .	6
<i>Виктор Андреев.</i> «Русская душа найдет глубокий отзвук в душе испанской...» (Антонио Мачадо и Россия) . . .	22
<i>Йост ван Баак.</i> Поэтика мироустройства и функция дома у Марины Цветаевой на примере ее «Поэмы лестницы» . . . . .	30
<i>Константин Баршт.</i> Житие и творения Григория Богослова в творчестве Ф. М. Достоевского. . . . .	45
<i>Михаил Безродный.</i> Жизнь на западном ветру: семь этюдов в вольном стиле . . . . .	63
<i>Александр Белоусов.</i> «Их надо обличать и обнаруживать неусташно» (Выходцы из духовенства в представлениях и творчестве Ф. М. Достоевского) . . . . .	71
<i>Константин Богданов.</i> Слова о кляксах: случай Поля-Луи Курье и семиотика испорченного текста . . . . .	76
<i>Мария Виролайнен.</i> «Общевропеец» как русский тип . .	103
<i>Стефано Гардзонио.</i> Либретто Да Поппе «Una cosa гага» и «Редкая вещь» Ивана Дмитриевского: итальянская комическая опера испанского содержания в русском переводе . . . . .	114
<i>Наталья Генералова.</i> «Слово Жюль Верн ужасное слово для поэта...» (Лев Толстой и Артур Шопенгауэр в «Вечерних огнях» Фета) . . . . .	122
<i>Алла Грачева.</i> Алексей Ремизов и Джеймс Джойс: интродукция . . . . .	135
<i>Дмитрий Гузевич, Ирина Гузевич.</i> Испанец в России в Александровскую эпоху: образ Бетанкура в русской литературе XIX в. . . . .	146

<i>Ростислав Данилевский. «Ах, мой милый Августин!»</i> (О смысле старинной песенки) . . . . .	163
<i>Екатерина Дмитриева. История домашним образом: переписки великой княгини Марии Павловны с братом, императором Александром I . . . . .</i>	169
<i>Нина Дмитриева. «Художественная анатомия»: об использовании соматизмов во французском и русском поэтических текстах . . . . .</i>	187
<i>Нина Дьяконова, Алексей Жеребин. Соперничество великих («Празднество победы» Ф. Шиллера и «Торжество победителей» В. А. Жуковского). . . . .</i>	194
<i>Петр Заборов. М. П. Алексеев о поездке в Ферней. . . . .</i>	204
<i>Александр Картов. Из комментариев к «Старосветским помещикам» Н. В. Гоголя: «Я знал одного человека...» . . . . .</i>	212
<i>Ким Джин-ен. Язык войны и язык мира: автоперевод Л. Н. Толстого в романе «Война и мир» . . . . .</i>	221
<i>Такаси Кимура. Русские путешественники по Европе в «Аппе Карепиной» . . . . .</i>	228
<i>Кирилл Корконосенко. Письма из России, не вошедшие в «Письма из России». Перевод, предисловие, комментарий . . . . .</i>	241
<i>Наталья Кочеткова. Карло Деница и Россия . . . . .</i>	265
<i>Энтони Кросс. Элизабет Ригби (Леди Истлейк), Россия и Издательский дом Мюррей. Перевод с английского Ксении Егоровой . . . . .</i>	280
<i>Александр Лавров. Письма из Испании С. М. Боткина . . . . .</i>	290
<i>Анджей де Лазари, Олег Рябов. «Русский медведь» в польской карикатуре . . . . .</i>	313
<i>Константин Лапто-Данилевский. Еще раз об отклике Вяч. Иванова на книгу Теодора Хеккера «Красота. Этюды» (1936) . . . . .</i>	325
<i>Хорхе Латорре, Александр Пронкевич, Антонио Мартинес. Советский Дон Кихот для франкистской Испании. Перевод с испанского Нины Ивановой . . . . .</i>	336
<i>Биргит Менцель. Заметки об эстетике насилия в современной русской литературе. Перевод с немецкого Марины Корневой . . . . .</i>	347
<i>Вера Мильчина. Пушкин и Степаль: границы темы . . . . .</i>	355
<i>Анастасия Миролубова. Мадрид Б. Переса Гальдоса и Петербург Ф. М. Достоевского: пример типологического схождения. . . . .</i>	361
<i>Жорж Нива. Моя встреча с Римом Вячеслава Иванова . . . . .</i>	374
<i>Сергей Николаев. Испанские мистики в русских переводах XVII—XVIII вв. . . . .</i>	381

<i>Александр Панченко.</i> Пушкин в советском фольклоре . . .	390
<i>Светлана Пискунова.</i> «Доп Кихот» и «роман сознания» . . .	411
<i>Ольга Светлакова.</i> Сервантесовский слой смыслов в гоголевских «Записках сумасшедшего» . . . . .	425
<i>Игорь Смирнов.</i> «Записки из Мертвого дома» в контексте европейской философии 1840-х гг. (Фейербах & Со) . . .	436
<i>Витторио Страда.</i> Бесы восточные и бесы западные: Федор Достоевский и Томас Манн . . . . .	451
<i>Галина Тиме.</i> «Москва» Вальтера Беньямина и его «испанское путешествие» . . . . .	460
<i>Роман Тиленчик.</i> Испания в русской поэзии первой трети XX века. Подступы к теме . . . . .	468
<i>Дмитрий Токарев.</i> Наследие кармелитских мистиков в текстах Бориса Поплавского . . . . .	484
<i>Федор Федоров.</i> Эрнст Теодор Амадей Гофман и собака Берганца . . . . .	503
<i>Самуил Шварцбанд.</i> Записки «сумасшедшего» Гоголя . . .	
<i>Андрей Шишкин.</i> «Легенда о Великом инквизиторе» в истолковании Вяч. Иванова (1938) . . . . .	534
<i>Анхель Луис Энцинас Мораль.</i> Рабби Нахман из Брацлава. Перевод с испанского <i>Марии Толстой</i> . . . . .	544
<i>Михаил Яснов.</i> Русский Рембо . . . . .	550
Библиография В. Е. Багно. <i>Составитель Н. В. Семенова</i> . . .	561

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
(Пушкинский Дом) РАН

# КУЛЬТУРНЫЙ ПАЛИМПСЕСТ

*Сборник статей  
к 60-летию  
Всеволода Евгеньевича Багно*



Санкт-Петербург  
«НАУКА»  
2011